

Гр3БН7.

№2

1921

Fol.
p. 99
Red:

ЧУДЬ.

Минусинская легенда.

Я спускаюсь къ Абакан-
ской долине. Вскрѣ ветеромъ мы
перешли Чулымъ и сегодня раз-
считываемъ войти въ верховья
Абакана на Енисей. Слѣдя за на-
ми остались высоты Гремани-
хинскаго хребта, густо покрес-
тая серозовою тайгой, а по до-
линамъ, словно засѣянные драконы,
лежатъ своими гранитными
хребтами (бѣлая, выпрѣв-
шаяся скала, его отрожекъ).

Между отдаленными го-
рами брошены ковалевыя пла-
ны; по нимъ яркими пятна-
ми горятъ рѣки "огненные",
такіе темные и извилистые, на-
поминающіе своими очертан-
іями небольшія рѣчки. Но
повсюду бродятъ табуны лоша-

дей.

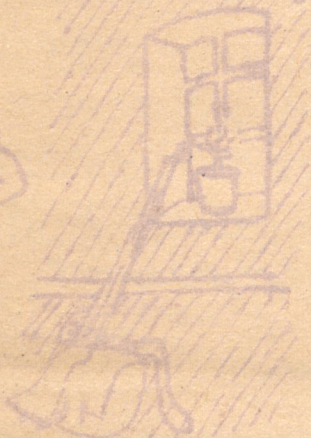
Густая гривы передувъ
разбиваются по ветру, и да-
же разбѣгаются изъ приземное
рѣканье.

Я люблю драконить ихъ, по-
вѣсивъ повѣсть на табуны на
своихъ переднихъ; тамъ охотно
смотрѣть, какъ она ревниво со-
бѣгаетъ въ одно мѣсто кобылъ
и перебѣтъ и гонятъ хитрыхъ
въ сторону отъ урѣканья, и гру-
дою своей стараются засло-
нить стадо, а оно, пугливое,
послушное настойчивому
призыву, рѣсью отбѣгаетъ въ
сторону, и смотритъ отпуг-
да на пропѣвающаго, хотѣ-
въ каждую минуту шарак-
нуть дальше.

4
 Да любве нас одлучи,
 Маке на што мит ста рваци?
 Говори спорас узну
 Да итаме, да и отогаме."

5
 Дел ми неми то промисли
 Идо едо идем не на лоју.
 Писовато, ну да ладно,
 Скоро ведадутъ монету.

6
 Члвкв денв сиде безе халда —
 Мату сам терпете утв вил,
 Но асвмх, бидто се неба,
 Умилн — "трети бародовил."

7
 Вотв прилали поповкене:
 "Краснопупий? — Ничего.
 Распустилс, сего сдвнлнхн,
 Подвнглнхн все мн ево!"

8
 Что лог, коакенв се отбвнелв гестн
 Делнв голубу, амотури!
 Мерже поу, поа цог вилстн,
 Наме гласнн, разв два тфн!"

9.

Водружъ пришили такія вѣсты.
Нашимъ надебый дѣлѣ не радѣ —

10.

Сразу съ пополненіемъ вылетѣ
А опалились мѣй надебѣ.

11.

Ночью тайною сѣвѣли,
Чтобѣ ускорили отаодѣ:
Украинцы подкапали —
Дѣлѣ палостѣмъ кародѣ!

12.

Вотѣ грамаца, слава Богу.
Милосѣ въ ней я приобѣтѣлѣ
И, сѣдѣте часовѣ нечѣного.
Интернированнѣмъ сталѣ.

13.

Непрѣятно, вотѣ такѣ атука!
Какѣ стоимѣ, а сѣ нѣмѣ муссе.
Говорятѣ: „Милѣйшѣй, ну-ка,
Подавай сюда ружѣе!“

14.

Дрянь дѣла, бѣдѣмъ кружитѣ,
Костѣмъ доимѣтѣ, вѣмѣмъ пѣдѣтѣ —
Какѣ бы вѣсѣ не свѣмѣтѣся!
Дѣлѣ, не поимѣ, а просто адѣ.

бога, наконец, старый старик со старинным советом. Люди, как и мы, из нас обязаны народу;

— Подобно тому, как пришло отсюда то с севера это неизвестное маленькое белое дерево, захватывающее горы и спускающееся к степям и выплывающее издалека на ственнику, так и отсюда лет с севера придет народ, такой же белый, такой же небесной и корявей, но такой же упрямый, упрямый и настойчивый. И как он поднимал ственнику, так и он поднимать своей волей весь, кто сейчас населяет степи. Он заведет свои порядки, и как-то такой силы, которая бы с ним справилась.

— «Спокойствие об этом ответе богов все племена и роды. Стыжались старшины, долго радил и наконец решились, что гуде никогда не покорится, и если есть способ измучить волю богов, то она лучше добровольно уйдет с земли, но если не так, то сама и никогда не будет раба своего человека. И ульма семьи одна за другой начали хоронить друг друга, а оставшиеся погибли в монгольских степях. С похода появились и эти люди.

— Пророчество шаманов

сбывалось. Люди, как и мы, ственнику, а растут только без резки; истреблен и племени гуде. Но оно не пошло к северу. Дула из свободной, противящаяся насильно, до сих пор твердо жавшая в Авананской степи и борется против восстающего отсюда человека; а пока захватывает земные бури, поднимая вихрь рвет и летит с неба сугробы, — поднимаются гуде из своих гробов и вылетят с волевыми втроном родимого степей на случайных гудеков, и горе тому, кто в это время будет в долине; сильными вихрем сметать его и похоронить под снежными покровами...»

Старик замолчал.

Заходящее солнце красило лугами освещало гору за пашку полем, повсюду брошенная среди изумрудной зелени травы.

Белый человек твердо стоял в Авананской степи, и только высоко в небе парил вернута, все еще белой, все еще гордой своей свободой.

Ю. К. А.

ПОЗАБУДЬ...

И запади погаси, и души догорели
За великий урюковой горой.
С тем то тревожно буди приключили,
И шепчется втирь с тучей,
Мая грустно, и манит к покою,
Мая сердце устало в груди,
Кора ныне разстается с тобой —
Кора... Уходи, уходи!..

Мы логии по-прежнему ласки,
Но поздно: я не вернусь,
И счастья великую сказку
Напрасно к себе позвоши:
Зачем мы любили? чего мы хотели?
Возможно ль было вернуть?
Налив бери отомель, и души догорели...
Прощай, уходи... позабудь!..

А. Черкай.

УВѢТЫ.

== бредъ раенаго. ==

ки. Пусть спрячутся эти ту-
ши распухших лошадей со
вздрынутыми въездом, расте-
пыренными копытами почв...

... Кто это там тихо по-
лу так жалостно плачет?
Возможно-быть, дитя, у котора-
го убили мать, или мать, у
дѣ которой отняли дитя, Или,
можетъ-быть, это терзается
сестра, потерявшая брата, или
такая невеста молится свои-
мъ бывшимъ тонкимъ рукамъ и прижи-
маетъ — ахъ, какъ она прижи-
маетъ!...

Степанъ Дикій.

СКАЗКА.

Было было летом, в самую Петровку. Из под мухомора, вверху Старая медведица, голова Говорила сыну: "Сондай-ка, уздай-ка, В смышленый муравейник: пусть Приготовит зайцу наеда-де, мам, Да напоит мухомор-скажу Что советом помоги пави- ный наекомый, Чтоб дала поправит, хохот В тот же вечер У деду устроит музыка- нем вечер. Попроси мушкетера пригласи Да зайдя отпуща из секрет- кам в избушку:	Там скажи, чтоб дали фонд рей итак же доедет, Чтоб и ладно в зал было бы повесить." Мелев это, скрепясь. Все же, взирая пави, Не муравейник пошел сест, Вперевалу. Мел за ним, кончилось, путь свой не направил И приготовился в сторону оставил, Как мела пол в зал му- равьев сестейка, Как пави павица, Дала скамеечку, Что пави пригласил, где бы сест скамеечка... Лучи перейшли уже к ве- ра напав. А сест не видела, но сест говорила,
--	---

тайгой, а стояла она дружен-
ственно, никому не себя не пуская,
закрытая степи от северного вет-
ра и непогоды, и никакой другой де-
рево не могло бороться с лютвен-
ницей: всякая другая она своей
великою силой. Поэтому в этой
и только в степи приходили к
ней люди из степи, возить не-
мало они заступы от солнца
и непогоды.

— Но ругались, ругались
в тайгу и благовестили в Сми-
сего и Абакану, находили они все
туда заселую траву для своих та-
бунов, а за высокой ее степью
было тихо в самые сильные бу-
раны... И люди эти приходили
на лютвенницу, такие же та-
кие, такие же стройные и мо-
гучие. Видели, каких она кам-
ней в горы катасками на свои
мошды? И никто с ними не
мог сравниться, никакие другие
пожевники Монголии.

— Но они свободны и
свободу свою ценили дороже все-
го. Далеко по степям шла о-
нах слава, как о сильных и
сильных наездниках. Многие
же забирали их скотину, и
если же, если взять из табу-
на жеребенка, а баранта
даже обязались их пожевать,
зная, что здесь баранта уже
не будет мяса. — И жили
они на степных привалах,

как до них прожались отцы и
деды: голая табунка, обвязанная
длинными конями, гралась на сол-
нце, а по вечерам таялись свои
заунывные песни о степи, о
тайге, о поволах и лютвенни-
це. Каждую траву, каждый цвет
тоже знали они у себя и люби-
ли их.

— Но вот однажды джи-
пригнала какую-то новую тра-
ву. На твердых степных пово-
лах она на северном склоне
одной из гор, посреди молодой
лютвенницы. Были у нее зеле-
ные и небольшие листочки, и труд-
но было сказать, трава это или
дерево. Подивились и забили. Но
на следующую год этой тра-
вы прибавилось, и прошлогодняя
не пропала, а стала поднимать-
ся в небольшое дерево. Простое
дерево, и выросли на горе дикие
березки, и пойдя под ни-
ми заглушенные молодые лю-
твенницы.

— Сошлись люди и диву-
дались. Маленькое, порявое, ди-
кое дерево, такое гладкое и круп-
ное в виду, но такое крепкое
внутри, сколько поднимать и
могучую красавицу. — Это же
же добру — рашиши. — Собра-
лись. шашки, приехали с
собой догони, долго кружились
перед ними и становились.
просили развешивать чудо, — и

стнейное исключительное монар-
хическое и президентское, оставле-
но за правительственными учре-
ждениями С. Палесоло, идея
которой возмущает крайних пра-
вых, противившихся в Кю-Син-
ви.

ЧАСТНОЕ СОВЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
27 Февраля 1917 года.

Председатель Родзянко ука-
зывает на серьезность пережа-
вального момента и на необхо-
димость принятия какого-ли-
бо решения.

Некрасов предлагает пе-
редать власть генер. Манюков-
скому с настоятельным предста-
вительством Гос. Думы. Против
этого предложения протестует
Ржевский, предлагая организо-
вать Комитет для сношения
с армией и народом.

Дзюбинский указывает
на необходимость взять власть
думскому сенаторно-конвенту
и об этом сейчас же объявить
населению. (Громкие аплодисменты.)

Оправдывая как открытие
заседания Керенский просит
уполномочить его и Чхеидзе
идти к возмущенным войскам
и объявить им о поддержке

и солидарности Госуд. Думы.

Миллюков соглашается
с предложением Керенского,
давая оговорку, что это вряд
ли успокоит войска.

Дзюбинский предлагает
удержать власть у Гос. Думы,
объявить ее Учред. Собранием.

Савинь возражает: толи-
ко дать власть нам не может.
Дума для народа представ-
ляет последнее утешение, и если
она сдвигает какой-либо не-
законный шаг, то она не мо-
жет быть законодательным
угрозением, тогда она боль-
ше не Дума.

Коваленко предлагает
передать власть Совету Ста-
ршин.

Большинством прини-
мается предложение об образо-
вании Особого Комитета,
который должен быть издран
сенаторно-конвентом немедлен-
но. В Комитет вошли сле-
дующие: М. Родзянко, Н. Некра-
сов, А. Коновалов, И. Дмитри-
ков, А. Керенский, Н. Чхеидзе,
В. Шильгин, С. Шидловский,
К. Миллюков, М. Караулов,
Р. Лвов и В. Ржевский.

(„Воля России”).

«ОДНЕСЕЯ»

карикатуры Ф. Даврова.

1.

Наконец-то, слава Богу —
Долгожданый пароход
Подоспел. И в путь-дорогу
Собрались я без заботы.
Денек пять, но сунуть горы —
Что ж, не уметь и подождать:
Разъезжать, так скоро
Сильный с сисель дудель жрать.

2.

Слава Богу, что приехали! —
Здесь должны монету дать.
Вещи все продать, что были:
Дольше нечего зажать!

3.

Больно долго голодали:
Во животы все так и было.
Во Гданьск супом напихали,
Ах, как вкусно это было!

Итак же на восток и с югом
Где собирався стали, как про-
винциалы,
Чиса за два, за три танца
до начала.
Первый, конечно, собрался
артисты:
Музы с барабанами, комары
фасетками,
Мужья привели с туркостан-
скими узлами,
Сиреневые рубашки убранные
люблю;
Привели своих музы-
кантов кузнецов;
Старая мотрица из миль-
ион, советск
Наступило старинное от-
мщение иду;
Но ушли с собой все мужики
и все;
Зажигуры нежно скрежи-
ли и плакали,
Росли так и потянулись
сформасы:
Видно поздно было и народу
равный
Рано спать ложится - уста-
ты веди на ноги.
Копра привели, злая, вонь
пришла, амаво,
Жапанские рубашки влезли
нахалом, живо,
Шинель ушла, начался суети-
ся,
Чтобы за кулисы как-нибудь
поблизости.

Слова, понастроу заль все на
палмная.
В восток у эстрады и оркестра
собрался.
Зажигуры, понастроу,
потом сиреневые рубашки
и с восторгом сиреневые рубашки
артисты стали.
Весь они, конечно, были востан-
ты,
Но и понастроу сиреневые та-
машки,
Может что есть мотрица востан-
машки, ну, не мотрица.
Из провинциальных первона-
ской сцен.
Или же в палмной театре,
сиреневые рубашки
Зажигуры востан- мотрица
этак до ста.
Востан- начался востан- про-
тему.
Может, бы палмной востан- и
попроше,
Но, должно быть, теура, амаво
но створеною,
Даже палмной не дает
покою.
Востан- по програму.
Востан- сиреневые рубашки
Востан- артисты, сиреневые, востан-
в востан-
„Стрелок, мой ангел, про-
зажигуры,
Мужья - сиреневые сиреневые
сиреневые
Голова - востан- и палмной
сиреневые

Было ей на казенной сцене что
наверно!

- Боже, как гуржались здесь
в оркестре скрипки!

Принимала "златка" снис-
лого членкой,

Намочаясь кь ессодн, толстень-
кой брезентов,

Съ завистно смотревшей на
огу въ снуровке.

Словом, много летней все бы
услышала,
Самъ въ на концерты зтои
позвали,

Въ общем, само прекрасно - все
довольны были;

Ужъ въ числ артисты бары-
ши были...

Но судьба жестока. Кто то не
знаетъ,
Что она всегда что и каге рв-
шася.

Въ этотъ самый вечеръ
утро бредя ногами,

Уровоснъ съ вазанкой плел-
ся за плечами;

Шел сначала лессом, а потомъ
на дорожку,

Но усталъ, бледная, и рв-
шила немножко

Отдохнуть, и только вышла
на полянку,

Какъ потлазъ же бросилъ въ
сторону вазанку,

Сгребая панировку, оюкень
засеетъ тамъ,

Потанцы разотекъ, стиль - и
не замечать,

Что она была въ томъ лессе,
иде концертъ давала.

Какъ дрова она бросилъ, такъ
они упали

Сверху мухомора. Боже, что
случилось!

Музыка замолкла, все ахнула
лось, одишес,

Разбались рыдания, крики и
стоны носились,

Въ лучший миръ артисты все
переселись.

Первого скончалась старая
дверь, а
У свертка чудная преломилась
златка,

У ссы отъ страха ленила
снуровка,

Майко тараканка уверну-
ся лоско;

Она нахала известный и про-
мываетъ всюду.

Но умилили, муза, слышишь что
не буду

Я писать: спускаю надо встать
завсегу...

Посидеть немножко, дрово-
стокъ изъ лесу

Вновь побрелъ, дождю разы-
скалъ и право

Пути по ней направилъ. Вотъ
какую драму,

Трустную чужако, полную пе-
дали;

Мнѣ въ лесу, у форта, сосме-
разсказали.

Ю. К. А.

ОБЩІЙ ЯЗЫКЪ.

Казалось бы, что может быть компактнее и однороднее того материала, изъ котораго была построена наша революціонная армія. Именно, только казалось: армія состояла изъ двухъ элементовъ, — во-первыхъ, изъ солдатской массы, массы временной, переходящей, отъносившейся къ своему пребыванію въ рядахъ арміи, какъ къ неизбежному злу; во-вторыхъ, офицерства, т.е. людей, по тѣмъ или инымъ причинамъ, посвятившихъ свою жизнь арміи. Отсюда разливъ тоски зрѣнія. Единство же и кажущаяся цѣлостность была достигнута дисциплиной, дисциплиной, покоящейся не на ясномъ сознании общности цѣлей, а на основаніи принужденія.

И вотъ, факты жизни

показали, что подлинна сознательная принужденіемъ — т.е. какое-либо средство, плохой цѣлостью. Какъ только сила принужденія ослабла — пропала стимулъ единенія и начался трагическій распадъ. Тогда пошла наша старая армія.

Части распавшейся арміи являли изъ себя благодатный матеріалъ для ускоренія хода развитія революціи.

Событія развивались съ головокружительной быстротой; революція, не имѣя задерживающихъ центровъ, выродилась въ анархію, и власть захвачена кучкой безумцевъ и мерзавцевъ. Родина гнила.

И только тогда явились сильны страны, стравивъ съ себя политическую манюшу щину Керенскаго, увидѣли, что

никому надо противопоставлять, а потому по свободному
силу, и тогда в разных кон- выбору вступающего в ряды
цах России стали создаваться армии. Как и всегда пропасти,
бывших армии. История их раз- явилась возможности устано-
вить нам встал хорошо из- вения обущих точек зрения.
вестна. Мы знаем их быстрые

успехи и не менее быстрое Офицеры новой армии
падение. Мы видели массу должны подвести к солдату,
людей, собравшихся во имя как старший руководитель
одной идеи — подвести или специалист и как человек
умереть, а пойдя не от интеллигентности более разви-
поражения, а от разложения той, должны помочь солдату
выкристаллизовать мотивы,

Почему? Что являлось заставившие его поступить
факторами разложения в армию, и как понима-
емых армии? Одна из глав- ющий высшие идеи и чувства,
нейших причин — отсут- постараться примирить их
ствие внутреннего единства. ся подчас элементарными
Создавая новую армию, вы- политическими побуждения-
шли со старыми формами ми солдата. Только такими
и их организацией прини- путем вырабатывается общий
мали все уставы, регламен- язык, без которого было спа-
тировавшие внутреннее вза- сение родины — постройка
имотношение и являвшееся Вавилонской башни.
идейное содержание армии.
т.е. все то, из-за чего так- ло нужно: лишь сбросить
быстро разложилась дорево- ся себя обломившему и поше-
люционная армия. трять на деле не через при-
му усталости, а широко

А в иде жизни показа- раскрытыми глазами и
ла несостоятельность ста- сознать ошибки и прома-
рых форм. Жизнь созда- хи прошлого. Если же ока-
вшего солдата, смотря на жутся пробны в населе-
го на свое предание в ар- идейное богатство, то поспе-
мии не как на избыток нить его путях взаимно-
го, а как на средство до- го обаяния людей.
стижения "своих" целей,
осуществление "своих" желаний.

А не призываю на пути

революционной мысли, а пред- новить дисциплину, покоя- лагая лишь итти в ногу щуюся на сознании, а не на сь жизни, т.е. не разрушая принуждений.

его-мудро, а утверждать це- Дружной работой и про- лесообразное, соответствую- явлениям инициативы мы- ющее духу времени, и от- поможем нашим высшим кидывать забранованное руководителем создать армию жизни. Только путем дру- компактного в своей мас- ных усилий, сознательной сть, действительно облада- работы на пути сближе- ющую общими языком, одной ния с солдатской массой и мыслью, одной волей — под- поднятия и на интеллект — дать или умереть. ального уровня, мы найдем общий язык и сможем уста-

Ив. Алексеев.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ.

ИЗЪ ЖИЗНИ БЪЖЕНЦЕВЪ.

„Воя Россия (Арага) при- негриманскія хитины; хо- водите письмо изъ Мукнаи лодь немовърнкой, таснота отъ 22го февраля т.г., въ кото- уласная...

роме бжженце описываетъ свои змощения:

После десятидневнаго пла- комендантъ для сношенія сь ванія и десятидневнаго сто- французскими. А на дворях, янія въ карантин на рейдѣ канцелярія французская ко- Гизерты, се кородя была снѣ- мендантъ появилась надпись: та первая партия въ 58 сео- „Русскимъ входъ воспреуенъ, вѣтъ, наиболѣе измученныхъ, обращаются по всякъ вопро- а также „высокопоставленныхъ“ самъ къ русскому комендан- Партию отправили въ „сана- ту.“ При несправедливости торію“, но чѣмъ, мѣтнью, рас- этого русскаго коменданта положенію на высотѣ 1000 положеіе бжженцевъ стало со- метровъ, въ 45 килом. отъ же- стью беззащитными... азн. и... Полмощеніемъ сиржа

Колумамъ мы солдатский

зубавский паек. Хлеб да хватает; но чтобы иметь возможность ^{купить} мяса, молока, угля на самовары, продают вещи...

В Сирии мало русских плененцев достигает 1000 чел. Местная общественная организация враждует между собой. Монархисты объединились здесь в конспиративный кружок, куда входят: представители Общества Единения Русских Царств, а также Мамов, адм. Платона-Дерюбин, кн. Н. Оболенский и другие. Можно себе представить, какое отношение будет этикет махровых германцев к подлинно-русской плененческой массе, настроенной не монархически... Столько-то тут русских людей под невольной опекой белых эмигрантов, безжалостно проживающих достояние русского народа, везенных Врангелем в южную Россию" (Восток России).

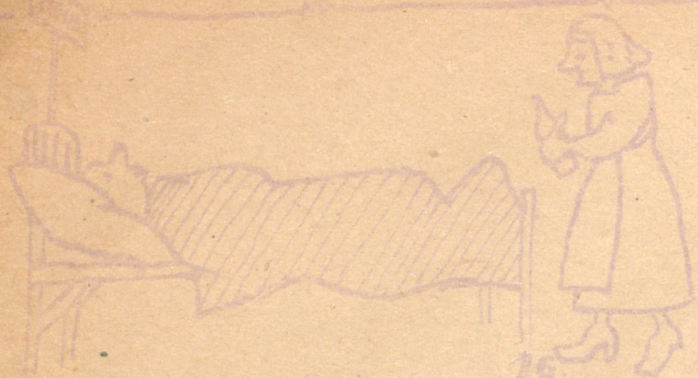
В Сирии все плененские колонии также возглавляются генералами. Поступающие по жертвованию идут исключительно в пользу власти ищущих. "Сказать правду нельзя — все намеренно обмануть и обманывать... Плененцы размещены в бараках с цементными полами, без

окон и дверей; часто валяются просто в палатках. Ежедневно умирает 5-8 человек... Газета "Восток России" передает, что ни не из-под пола. За счет этой газеты русские попадают в списки политически недонадежных."

Большую статью под названием "Диктатура голубой крови" посвящает тому же грустному вопросу и "Общее дело" (Париж). В этой статье разбирается "положение о дисциплинарных судах в колониях русских плененцев в Юго-Славии".

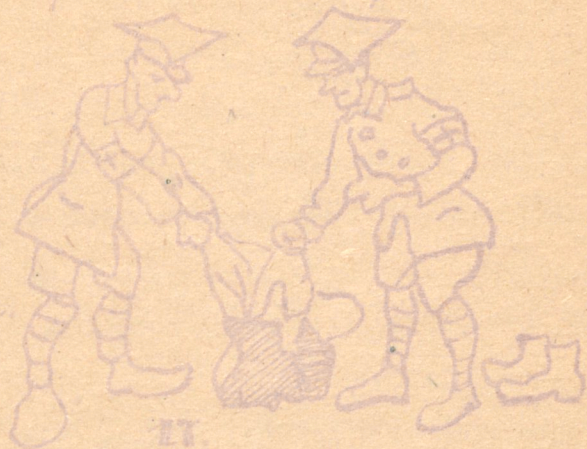
Карсграф первый Ломоносова предоставляет широкое поле для всякого рода злоупотреблений и для сведения мнений с негодными членами колоний.

Одним из видов наказания, перечисленных в § 26, является также и возбуждение дисциплинарных судов ходатайства о выселении из предместия королевства С.Х.С. (Юго-Славии). Последнее аналогично древнему "мишению огня и воды", т.е. равно смертному приговору, так как выселенному плененцу грозит одна дорога — в совдепию. Право, сличения определенного наказания, право помилования, обычно свои

15.
 Так понеже приводит видно,
 Видно смерти час настал.
 И досадно, и обидно,
 Ни за-чюмь человек пропасть!

16.
 Санитаров постарались:
 Чтобы сразу извести,
 Визитацией занялись
 И вставил мундирок трясти.

17.
 Но судьба наша худшая —
 Жизнь она опять берет
 И, одевши олене шкуру,
 В руки наша отдаст.

18.
 И на форте я был оправлен
 Изполучною судьбой.
 На воротах форта приставлен
 Бравый польский часовой.

19.
 Черт, возьми, тоска какая!
 Мабану и ханду креть.
 И за что я так страдаю,
 Почему в чужой мот?

20.
 А, ах, ах! Веселая приятна,
 Сие не кстати — вот не ждал!

21.

И продавь его, помяну
Я добьюсь, чего желаю.

22.

Но уже, непрочна счастье!
Через неделю újra опятъ
Наступили дни ненастья
Снова кидь хлеба взять!

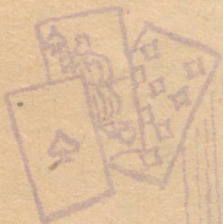

23.

Производствъ обличили.
Тотъ очень странно это то,
Лучше бь хлеба больше дали;
Жрать то до смерти охота!

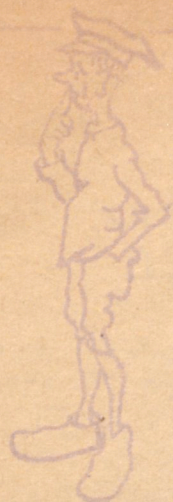
24.

И вь деньги одинъ прекрасный
Речень, Роженська пошла.
Я доволенъ всемъ ужасно
Цыганъ день уга цыган!

25.

Но для денегъ споръ слова,
Держуся, что въ „огно“ согражд.
Разъ поставили — и готово,
Лучше всего бь какъ прожрано!

26

Какъ, однако, чудесно это!
Скоромъ кончатся страдания?

27

Что, Богъ дастъ, съ приходомъ
Не обманутъ ожиданья.

Благословенъ

СОДЕРЖАНІЕ №:

- Весенний бредъ Стихотвореніе Г. Ильяшенко.
Чудъ - Минусинская легенда Ю. К. П.
Гори свѣтлѣе, звездочка! Стихотвореніе Тома Броуна.
Позабудь! Стихотвореніе А. Черная.
Цвѣты - Бредъ раненаго А. Степнякова.
„Смотри, какъ небо ясно!“ Стихотворенія Степана Цыкаго.
Сказка Ю. К. П.
Общій языкъ Статья Ив. Алексѣева.
Обзоръ печати (Изъ жизни блуждающихъ Частное сообщеніе членовъ Государственной Думы 27 Февраля 1917 года)
„ОДИССЕЯ“ (Каррикатуры Ф. Пазрова) Благо Адаки.
Заставки работы Дззи.

Редакторъ Ив. Алексѣевъ.

Издатель А. Ярославскій.

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА

на

ОТВЕТЫ

№3 - цѣна 85 марокъ.

№4 (пасхальный) въ краскѣ - 30 марокъ.

НАШУ ЖИЗНЬ,
НАШИ ЗАПРОСЫ,
НАШИ ИНТЕРЕСЫ,
НОВОСТИ МИРА

даетъ читателю органъ интерниро-
ванныхъ гарнизона гор. моря

НАША
ГАЗЕТА.

Выходитъ два раза въ недѣлю. Цѣна отаѣнаго №-3м.

Въ мѣсяцъ - 20 мар.

ИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ
НАША ГАЗЕТА

получена для продажи

РУССКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

на 1921 годъ.

Издание Русск. Эвакуацион. Комитета.

Цѣна экземпляра - 40 марокъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАША ГАЗЕТА

принимаетъ всякаго рода зака-
зы шпигерской печати
какъ - то

изготовление программъ,
театральныхъ билетовъ,
канцелярскихъ бланковъ
и проч.

Цѣны по соглашенію.

на днѣхъ
выйдетъ въ свѣтъ
СБОРНИКЪ
стихотвореній.

Молитвенникъ

ПѢСНИ ОСВОБОЖДЕНІЯ

Изданіе "Нашей Газеты". Цѣна 15 марокъ.

Изданіе "Нашей Газеты". Цѣна 15 марокъ.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ съ каррикатурами

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Наша Газета"